

ДОРИАНА

СЯДЬТЕ
ПОУДОБНЕЕ.
РАССЛАБЬТЕСЬ

16+

До Сядьте поудобнее. Расслабьтесь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57393432

SelfPub; 2020

Аннотация

Что делать, если жизнь кажется беспросветной и унылой, а мечта такой далекой и недостижимой, что начинаешь сходить с ума и искать любые способы исправить это. Поддавшись модным практикам, главный герой учится визуализировать самое заветное желание – собственный дом у леса. Фотография заветного домика вдохновляет его и помогает сбежать от реальности. Пока однажды в серой стене деревьев на дальнем фоне не появляется тень...

Содержание

1.	4
2.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

До Сядьте поудобнее. Расслабьтесь

1.

Всё началось в приёмной у зубного, когда я выудил с нижней полки стеклянного столика кипу журналов. Открыл первый. Сидящий рядом парень тут же вытянул шею – на развороте реклама крема от комаров. Пахучей мази, которой покрывают красные пироги на коже. Вопрос, при чём здесь на качественная задница модели?

«Ты не знаешь?» – хотелось спросить мне у соседа, но, судя по вниманию к странице, его подобное несоответствие не смущало.

На следующем развороте текст. Парень отвернулся. До меня оставалось ещё трое: толстая тётка, хнычущая девчушка с раздутой щекой и этот, потерявший интерес. Я развернулся к окну и начал читать. Когда подошла моя очередь, я даже не сразу вспомнил, куда ее занимал. Зуб впервые за два дня не ныл, а все внимание было отдано идее.

Полчаса не самых приятных ощущений, молчаливый врач-верзила. За дверью кабинета тихо – на сегодня я по-

следний. В этой тишине постукивание изучающего мои зубы стоматологического зеркала звучало угрожающе четко. Я вдруг представил, что зуб тоже боится и поэтому не выдает себя болью. У меня, например, такое часто практикуется – лучше перетерпеть, чем что-то болезненно исправлять.

Но сегодня это не прокатило.

Из больницы я вышел помятый и тоскливый. Выходные подошли к концу, как итог – кровавая ватка во рту и украденный из приёмной журнал. Я решил перечитать статью ещё раз. Она начиналась со слов: «Сядьте поудобнее. Расслабьтесь» – и это уже настраивало на то, что все остальные пункты не имеют права тебя напрягать. В то время, как в анонсах новостей считают трупы, а в метро ругают власть, такие вот уверенные указания, напечатанные уверенным чёрным на уверенном белом нужны. Необходимы.

Мне – точно.

* * *

По дороге домой я убедился в жестокой правдивости утреннего прогноза – подошвы ботинок хрустели первым ледком, а ветер будто обдувал кости. Я тысячу раз пожалел, что не поехал на автобусе, поверив безмятежности розовеющего на западе неба, которое обманывало через окно кабинета.

Дома я оказался только в начале девятого. Возвращение домой и встречу с унылым вечером перед рабочей неделей хотелось отсрочить. Необоснованные покупки, вроде пары

батончиков с арахисом (на мои зубы!) и бутылки пива расстроили меня, как только я начал разбирать продукты. Ещё вчера, бодрым утром первого выходного, я пообещал себе вести борьбу с неосознанностью. Незапланированные бесполезные покупки – очко явно не в мою пользу.

Небольшой письменный стол тут же заполнился скоропортящимися и вредными продуктами, в которые я превратил остатки зарплаты. Главное, чтобы всё уместилось в моей части холодильника. Обтирать чужие углы – беда всех приезжих, но я ко всему прочему ещё и живу с хозяином. В моём распоряжении маленькая комнатка, чуть больше купе поезда, две полки на обувной этажерке и одна полка для продуктов в холодильнике. С верхней хозяйской вечно течет что-то тёмное и вонючее. Старик часто покупает селёдку, расковыривает ей брюхо вилкой и потом забывает в недрах холодильника, продолжая захламлять драгоценное место всё новыми, так же недоеденными продуктами.

Хорошо, что сегодня я один. Сэмик, как я упростил для себя непривычно – почтительное Самуил, ушёл куда-то ещё утром и если он уехал на дачу, то пару дней можно не прислушиваться у двери комнаты, прежде чем выйти на кухню или в туалет. Главная проблема моего проживания с ним крылась не только в рыбных отходах, капающих на мои продукты, и даже не в оплёванной его стариковской мокротой раковине, я боялся разговоров. Я ненавижу эти разговоры. Бесконечные, повторяющиеся и односторонние.

Он начинал с собственных воспоминаний, жаловался на жену, которая не выдержала его сорок лет назад, предчувствуя, что через полвека он станет просто невыносим. Он приписывал себе самые невероятные заслуги в самых невероятных профессиях. «Я артист!» – кричал Сэмик, стоя в тёмном коридоре нашей захламлённой, уставшей от него квартиры. «Я ходил в моря, я был капитаном!» – подпрыгивал он на носочках в старых тапках, и его лысая макушка мелькала в мутном зеркале, в глубине которого серело моё недовольное лицо. Мне всегда было интересно, замечает ли старик моё раздражение, видит ли он, как я сползаю по косяку рядом с остывшей чашкой чая, которую нёс в свою конуру, пока он не поймал меня для своих идиотских лекций.

Иногда он пытался обсуждать со мной политику, в которой я был не силен. Сэмик начинал с обругивания правящих сегодня, а потом всё дальше углублялся в века. Про каждую тень ушедшей эпохи он говорил с таким панибратским всезнанием, будто не раз делил с ними вечерний стол.

Хорошо, что сегодня я один. Можно выпустить кота, которого старик разрешил мне завести при условии, что лоток и миски будут стоять в моей комнате, и он ни разу не увидит его в квартире. Тин выплыл из-за двери, потёрся дымчатой мордой о косяк и подошёл к пакету, из которого пахло жареной курицей. Бумага, в которую её завернули, аппетитно пропиталась жиром. Я вытащил на блюдо румяную тушку и сразу отдал содранную шкурку Тину. Кот громко зачавкал,

наклонив голову в сторону. Он жевал с таким усердием, что я повернулся к нему.

Кот ел прямо на полу, и этот пол, по которому он возил жирную шкурку, был чище обеденного стола, заставленного тарелками хозяина. Эта кухня для меня, как тёмный подвал для ребенка. И монстр, который в ней обитает, пахнет чем-то кислым. Он истекает слизью просроченных продуктов и прилипает к подошвам. Он уничтожает надежду на нормальную жизнь, в которой не придётся высоко поднимать локти, чтобы не касаться грязных столов и полок.

Как только зазвонил домофон, я быстро протёр следы кошачьего пиршества, подхватил тарелку с курицей и пиво, и мы с Тином вовремя скрылись в нашем маленьком убежище. Через пару минут загремели ключи. Завершил всё тяжёлый вздох, которым старики любят привлекать внимание, и шаркающие шаги по тёмному, обшарпанному коридору.

По мере того, как я наедался, пачкая жиром руки и наполняя маленькую комнатку удушающе-жареным (уже не аппетитным) запахом, вечер подходил к главной проблеме. Надо умудриться выйти на кухню и сходить в душ, не столкнувшись с Сэмиком. Здесь любая, не точно выверенная, секунда могла стоить нескольких часов.

Но сегодня всё обошлось.

Пока я был в душе, спокойная уверенность, что как только я выйду, то сразу лягу спать, ещё играла на стороне решимости изменить жизнь. Но когда распаренный и свежий

я вышел из ванной, интернет со всей прелестью бесконечных прогулок приковал меня к себе до полуночи. Каждая новая ссылка вела за собой следующий бесполезный переход. Я узнал что-то о законе Парето, десяти самых странных человеческих мутациях и о финансовом прогнозе аналитиков на следующий год. И всё это заполнило меня такой пустотой, что лучше бы я просто сидел на стуле, глядя в одну точку, чем вот так бездумно хавал куски информации, которую даже переварить толком не успевал.

Я выключил компьютер и подошёл к постели. В комнате душно, но открывать окно не хочется – за ним шум. Половина первого, если учесть, что вставать мне в семь, то я заплатил довольно дорого за возможность быть в курсе того, в чём не нуждался. На прикроватной тумбочке, рядом с каплями для носа, Сартр в мягкой вытертой обложке. Завалившись на кровать, я открыл книгу – за такие мысли не жалко ни времени, ни сна, но после пары шагов по утреннему Бувилю я понял, что собственной тошноты от самого себя мне будет достаточно.

Закинув книжку подальше в глотку старой тумбочки, я вспомнил про журнал, который так и остался в пакете на полу.

Пропитавшаяся жиром упаковка из-под курицы оставила следы – на высоком лбу какой-то западной актрисы расплзлось тёмное пятно. Интересно, было бы ей обидно? Я бы точно не обиделся на заокеанского простака, который перепач-

кал одну из копий моего холёного лица купленной по акции курицей.

Я открыл журнал на первой попавшейся странице и начал укладываться. Когда устроился максимально удобно (первые два пункта уже выполнил), принялся за поиски статьи.

«Сядьте поудобнее. Расслабьтесь. Сосредоточьтесь на дыхании. Для того чтобы воплотить в жизнь любое желание в первую очередь необходимо сконцентрироваться на своей личной энергии, почистить её от паразитов. Поставьте расслабляющую музыку, зажгите благовонья – ваша первоначальная задача остановить диссонирующий поток повседневных мыслей».

Я хотел перечитать внимательно всю статью, но перспектива хорошенько расслабиться перед сном, время на который стремительно таяло, пересилила желание взяться за всё и сразу. Я закрыл глаза и прислушался к дыханию, уплывающее сознание вяло встрепенулось, пропустило какую-то мысль не то о заботах вчера, не то о тревогах завтра и тут же раскрасило её преувеличенным искажённым бредом.

Следующая остановка мигала надписью «7.00. ПОДЪЁМ!» и гремела тарантиновскими мотивами.

2.

День прошёл неудачно. Был заказчик, был неверно высланный на другой конец страны заказ. Невнимательность прожгла будущую зарплату новым штрафом и подарила приятную беседу с начальством на тему моего раздолбайства. «Такого больше не повторится» – стоит повесить вместо бейджика. Или написать на моей могильной плите.

Чтобы снять груз, в который оформился весь этот говнодень, я зашёл в супермаркет за банкой (парой банок) пива. Когда уже дома разбирал пакет с покупками, совесть взвилась, размахалась вездесущими щупальцами, пытаюсь схватить меня за горло, но я тут же пристукнул её пачкой сушёного анчоуса.

Я сел за стол (хорошо, что еще уговорил себя снять пальто) и открыл первую банку. На кухне меня дожидалась вчерашняя курица, можно было приготовить к ней овощи и устроить себе нормальный ужин, но тогда бы пришлось дольше держать в голове принесённое с работы дерьмо, а так можно сразу смыть его пивом...

После второй банки голова приятно отяжелела. Я откинулся на спинку стула и кидал в рот маленькую рыбёшку. Оставалось совсем немного, чтобы самому отправиться вслед за юркими хвостиками и уплыть, качаясь в убаюкивающих потоках. Опыание приятно, потому что похоже на до-

стижение цели. Пока можно наслаждаться – утром эта цель станет вывернутой наизнанку слабостью.

Когда в дверь постучали, я понял, что уже успел уплыть, потому что не слышал тяжёлых, шаркающих шагов. Меня поймали с поличным – с невыключенным светом и журчащей из колонок музыкой. Я не сплю, а в то, что я умер, он не поверит.

– Добрый вечер! – такое ощущение, что слог «ве» насильно поднимает ему брови, потому что лицо старика растягивается, как спущенный резиновый мяч.

– Здравствуйте, – я опёрся об косяк и демонстративно зевнул.

– Женя, у меня возникли некоторые проблемы с компьютером, – наконец, он посмотрел прямо. Меня чудовищно бесила эта его манера не смотреть на собеседника, а пялиться куда-то в сторону, за спину, будто он не обращался к человеку, а всего лишь выжидал нужное ему действие или реакцию. Он смотрит вникуда, он мать твою, артист, выступающий перед залом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.